

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЗЫБЧАНЕ»

Евгений МОСЯГИН**ПОБУЖДЕНИЕ**

Затихнет над холодными полями
Последняя февральская метель,
Оплачут март весенними слезами,
И снова в сердце постучит апрель.

Затерянный в огромном
людном мире
Московских улиц скромный
пешеход
О детях, о работе,
о квартире
Я полон дум и всяческих
забот.

За сорок мне. Остался за
плечами
Мой первый день,
мой светлый день весны.
Но что ж опять крылатыми
грачами
Встревожены мои простые сны?

Но что ж опять высокие рассветы,
Как праздники сияют надо мной,
И отошедшей юности приметы
Владеют снова будничной душой?

Зачем шальные ветры обновленья
Врываются в мой повседневный быт?
В прокуренные стены учрежденья,
В мир коммунальных кухонь и корыт?

Зачем опять весенние дороги
Зовут меня в неведомую даль,
Где ждут меня сердечные тревоги,
Где ждет меня любовная печаль?

Я брошу все! Я изменно привыкне
Тянуть свою гуж тяжелый день за днем,
И на совсем случайной электричке
Уеду вслед за солнечным лучом.

В ином краю, под синим небосклоном,
Где шум лесов и тишина полей,
Я буду вновь свободным и
влюбленным,
Как в самой ранней
юности моей.

Артур ВАГАБОВ

Неприметные следы,
Снег едва живой.
Почему сегодня ты
Так нежна со мной?

Ты целуешь горячо
И зовешь родным -
Для меня гориши свечой,
Светом неземным...

Неприметные следы,
Снег едва живой.
Почему сегодня ты
Так нежна со мной?

Любовь ФЕДОРОВА

НЕ СУДЬБА
Мне кажется, что я тебя искала,
Когда мне было восемнадцать лет,
Но я тогда еще не знала
Твоих шагов, привычек и примет.

Мне кажется, что я тебя любила,
Когда мне было тридцать лет,

Но не тебя тогда боготворила,
Не на тебе сошелся клином свет.

Знать не судьба нам встретиться
с тобою,
Мой нежный и хороший друг.
Мечты покрылись темной пеленою,
Надежды нет теперь на «вдруг».

Вадим ФЕЛЬДМАН

Мы говорили не о том
Внутри исчезнувшего сада.
Внутри страдающих икон
Остались только капли яда.

И в издавающейся тьме
Знаменем нового открытья
Кружили эпосные листья
В отраве падающих лет.

Должно быть - память не сумел
Я так зажать, чтоб треснул кокон.
И неизвестная икона
Рождается в твоей судьбе.

Антонина РАДЧЕНКО

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ
Где мое ты счастье? - женская беда,
Горючие слезы - солона вода.
Времечко проходит - горькая вина,
Времечко проходит, я одна, одна...
Капелька за капелькой пробиваются наст,
Жду я недоверчиво, может кто подаст?
Поднесет на блюдечке счастье
и любовь,...
На руках мозоли - растираю в кровь...

Сор с души сметаю, клею и творю,
Созидаю стойкий жизненный уют,
Голубой каемочкой украшена труда...
Где же мое счастье? Счастье - не несут.
И уют покинув, отправляясь в путь, -
Счастье на дороге встречу где-нибудь,
На любовь и нежность обопресь
плечом, -

Мы одной тропинкой по земле пойдем.
Высыхают слезы - мокрый водоем,
Я теперь узнала счастье быть вдоем.

Владимир КУХАРИШИН

ЛЮБИТЬ
Любить - это значит понять и простить
Все, кроме лжи и измены,
Начать все сначала, о прошлом
забыть,
Биться горохом о стены.

Не думать о том, что игра стоит свеч,
Ведь обязательно стоит!
Ведь что-то всегда удается сберечь
Там, где хватает и ноет.

Любить - это значит бездымно
сторять
Зимней простуженной ночью,
Чтоб хоть на мгновенье кого-то
согреть
И разлететься на клочки.

Дмитрий ТОЛКАЧ

МОН ШЕР АМИ*
Мон шер ами, Вы так прелестны,
Мон шер ами, Вы так нежны,
Ваш облик милый и чудесный
Наполнен свежестью весны.

Вы так прекрасны, как богиня,
Вы - совершенство во плоти.
Ах! Как приятно Ваше имя
Мне про себя произнести...

*Мон шер ами (фр.) - мой милый
друг (прим. автора).

Мария МУХИНА

А у вас глаза, как в бессоннице,
И для радости нет там места.
Я бы стала вашей любовницей,
Но не стала бы вашей невестой.

А у вас чуть седые волосы,
И от них веет спелой сливой.
Может стала бы вашим голосом,
Но не стала бы вашей силой.

Константин ПОПОВ. Рисунки автора.

ПОДРАНОК

В тот год осень была как никогда яркой и праздничной. Солнце долго согревало своими оставающими, но еще ласковыми лучами землю, и тихая золотая пора не спешила уходить из природы, дававшей приют последним остаткам угасающего тепла. Лишь в середине октября косяки перелетных птиц потянулись на юг. Их прощальные, исходящие криком крылатые караваны, все чаще появлялись над городом.

На одном из двух больших городских прудов, которые жители называли озерами, остановилась передохнуть стайка крякв. Горожане, давно отвыкшие от присутствия водоплавающих в самом центре многоэтажной застройки, с удивлением и любопытством собирались посмотреть на этот хоровод пернатых. Утки чинно плавали по зеркальной глади, изредка ныряли за кормом, не приближаясь близко к людям. Там же, на воде, они и спали, спрятав голову под крыло. Лишь иногда, под вечер, прибивалась стая к обезлюдевшему берегу. Никто из не прогнал, и они со временем даже стали подплывать к мосту, с которого дети и взрослые бросали им кусочки хлеба.

Так продолжалось около недели. Но однажды утром пернатых на озере не увидели. Утки продолжали свое долгое путешествие, хотя одна темная точка продолжала маячить на середине пруда. Что-то помешало одной из птиц покинуть наши берега. Было ли то мальчишеское ухарство или бессердечие более старших - трудно сейчас сказать. Возможно, дала знать о себе старая рана от выстрела охотника, и кряквы потому и опустились, чтобы поддержать своего сородича.

То оказался молодой селезень, что можно было определить по зеленой с синеватым отливом голове и дымчатому оперению. От людей он старался держаться подальше, и никакие приманки на него не действовали. Горожане привыкли видеть дикую утку каждый день на озере и даже перестали обращать на нее внимания.

После октябрьских праздников резко похолодало. По ночам прихватывало морозом, и лужи на улицах покрывались тонкой корочкой льда. Вода в прудах еще держалась, однако через несколько дней и она не устояла, медленно от берегов начала застыть. И, хотя лед был еще тонким и середина водоемов светилась узкой серебристой полоской, стало ясно, что со дня на день ледяной покров спрячет на зиму все.

Пашка Моргач, живший на улице Набережной, дома которой выходили своими окнами на берег городского пруда, давно заприметил одинокого селезня, бороздившего водную гладь. Моргач была не фамилия, а кличка, данная ему за маленькую непроизвольно дергать веками, на которую он и откликался. Безобидный и тихий, был он невысокого роста, с детства хромал, упав неудачно с дерева. Работая на деревообделочном заводе потерял два пальца левой руки. Личная жизнь у него тоже не сложилась. Молодая жена, с которой он

прожил всего год, неожиданно сбежала с приезжим художником, оформлявшим стены столовой, где работала. С тех пор и пристрастился Пашка к алкоголю, который, как ему казалось, помогал переносить невзгоды.

Запой были частыми. Продолжая жить с матерью, он ее доводил своими выпивками с друзьями до сердечных приступов, после одного из которых та из больницы не вернулась. Оставшись совсем один, он продолжил прежнюю жизнь, и, хотя уже нигде не работал, получая только небольшую пенсию по инвалидности, выпивать меньше не стал. Откуда он брал столько денег на водку, никто толком не знал, однако участвовавшие пропажи во дворах его соседей, хотя и не прямо, но все же заставляли подозревать в этом Моргача. Однако уличить его в подобном грехе не удавалось, и это все больше побуждало бдительных хозяев обращать внимание на крепость своих запоров, что на какое-то время принесло плоды - краж стало меньше.

В доме у него царил беспорядок. Часть мебели он продал, оставил себе в передней комнате только кровать, кухонный стол да несколько табуретов, чтобы можно было посадить посещавших его собутыльников, с которыми он не чувствовал себя так одиноко. Правда, вот уже неделю

никто к нему не являлся. Последние запасы сала и соленных огурцов, которые он раздобыл, совершив вояж в подвал стоявшего на соседней улице многоэтажного дома, закончились еще вчера. Хотелось есть. Доставала и невозможность выпить. Однако есть хотелось все же больше.

На пустом подоконнике, у которого он сидел, стояла старая консервная банка, служившая ему пепельницей. Все его внимание за стеклом было привязано к маленькой полынье на середине озера, где сновала темное пятнышко одиночной птицы. Стряхнув в очередной раз пепел со жгущей пальцы сигареты, Пашка оторвался от вида блестевшего в лучах солнца молодого леда, осмотрел полупустую комнату. Этот подранок-селянин, пристанище которого сегодня должно замерзнуть, не давал ему покоя. Законный обед, который он уже считал своим, завтра, возможно, достанется кому-нибудь другому. И от этой мысли он вдруг часто заморгал, жевал, на его худом лице стали еще острее, задвигавшиеся в предвкушении решительных действий.

На дворе уже смеркалось. Еще раз взглянув через окно на пруд, уже потускневший в красном свете закатного солнца, предвещавшего ночью мороз, Пашка, наскоро одевшись, решительно направился в сараи. Через несколько минут он, пытаясь, выволок оттуда старую лестницу, которой пользовался, забираясь на чердак. На руке у него висела веревка. Прихватил с собой он и лежавшую на дворе длинную палку, чтобы легче было расправиться с раненой птицей.

Повесив лестницу на плечо и оглядываясь по сторонам, Пашка быстро пересек улицу и через несколько шагов оказался на берегу. Попробовав ногами лед, довольно крепко державший его у края уже подмерзшей земли, он, припадая на хромую ногу, привычными движениями заскользил к центру озера, помогая себе своим орудием. Однако уже через десяток - другой шагов подозрительное потрескивание слегка прогнувшегося под ним ледяного панциря заставило его лечь. Подтянувшись к себе лестницу, он привязал к ней веревку, и, толкая перед собой, стал уже ползком продвигаться вперед, метр за метром отвоевывая пространство, ведущее к вожделенной цели.

Одиночная кряква, все еще пытавшаяся бороться с морозом, продолжая быстро плавать в сокращающей свои размеры полынье, давно заметила приближающуюся с берега темную фигуру. Беспрок思索 поглядывая в ту сторону, и не прекращая своей, по-видимому, в этот вечер напрасной работы, утка инстинктивно все больше задерживалась на противоположной стороне своего убежища. Издаваемый скользящей по льду лестницей звук пугал ее, однако птица по-прежнему оставалась в пределах своих владений, как бы понимая, что вне воды и с немощными крыльями, которые не пробовала расправить, она становится легкой добычей, ползущей за ней человека.

Преодолев большую часть своего пути, Пашка, наконец, заметил в быстро стущившейся темноте совсем близкую воду. Селезень метался в замкнутом круге своего пространства, изредка издавая короткие негромкие звуки. Лестница уже коснулась кромки полыньи, над которой как в бане клубились испарения. Оставался последний рывок. Пашка припал, пытаясь достать палкой утку, резко загреб рукой...

Неожиданно он почувствовал, что опора стала уходить из-под него. С холодом в сердце он вдруг осознал, что проваливается под лед, один,

далеко от берега, и никто ему сейчас не поможет. Подступившая к горлу кромка ледяной купели обожгла его шею, и он с головой окунулся в эту темную, смертельно опасную теперь для него воду. Потерявшие опору ноги и руки беспорядочно ударили по воде, пытаясь помочь ставшему таким беспомощным телу приблизиться к ледяному берегу, который все крошился от судорожных движений рук, отказываясь принимать на себя человека, нарушившего покой засыпающего на зиму озера. Лестница, которую он попробовал притянуть к себе одной рукой за веревку, вдруг также ушла своим концом под воду - тонкий лед не выдержал и ее.

Треск проваливающегося вблизи полыньи льда и внезапно раздавшийся совсем рядом сдавленный человеческий крик пробудили птицу. Селезень рванул в сторону, расправив крылья, и, помогая ими в своем движении вдоль водяной полоски, над которой уже был не властен, как бы в последний раз отдаваясь второй родной своей стихии. И та вдруг приняла его. В безнадежном порыве он ощутил осаждаемую силу своих крыльев, которые со всеми возраставшей скоростью оторвали его от воды, и он, еще не понимая своего освобождения, как-то неторопливо и низко полетел над льдом, исчезнув через несколько мгновений в темноте наступившей ночи.

Все еще пытаясь спастись, Пашка судорожным взглядом успел заметить машущую крыльями пролетающую над ним птицу. Это было последнее, что он увидел. Тяжелая, намокшая одежда потянула его ко дну.

Утром уже все озеро было покрыто искрящейся коркой льда. Казалось, ничто не нарушало его предстоящий зимний покой. Взошедшее солнце и прекрасная погода на другой день так и не дали никому повода усомниться в радостной полноте текущей вокруг жизни природы.

Пропажу дикой утки жители окрестных домов восприняли по-разному. Кто-то сожалел о замерзшей птице и невозможности ей помочь, другие, наоборот, говорили, что нашлись добрые люди и помогли ей выбраться из ее ледового плена, и она сейчас зимует в сарае общества охотников, приводя в доказательство видневшуюся на середине пруда наполовину вмерзшую в лед лестницу с веревкой.

И только через несколько дней обнаружилось исчезновение Моргача, которого долго искали, но так и не нашли. Лишь весной, когда стал сходить лед, проходившие вдоль берега рыбаки опознали его взвинувшееся и прибитое волной к берегу тело.

А когда значительно потеплело, и стаи перелетных птиц снова замелькали над городом, заметили прохожие как-то кружившую над озером, но так и не решившуюся сесть на воду дикую утку. Сделав несколько кругов, улетела она затем к северу, догонять своих непоседливых сородичей.

